

▶ ПИСЬМА С ФРОНТА | Они бережно хранятся в семейных архивах до сих пор

«Ваш сын погиб...»

ТАТЬЯНА ФАТИНА

На фронте существовало правило: если воин погибает, то в семью, кроме «похоронки», приходили письма от кого-то из однополчан или от командира погибшего. Письма очень простые, незамысловатые: «был надежным товарищем, погиб героически, мы за него отомстим». Что еще можно написать в окопе, когда за твоей спиной рвутся снаряды...

Вот какое письмо пришло в Новосеверный поселок Магнитогорска матери Самата Садыкова, погибшего в 1943 г.:

«Здравствуйте, дорогие родители нашего незабываемого товарища, который пропал без вести в районе Черкас. Этим даю знать, что ваш сын храбро боролся с врагом, но во время

боя, где он девался, — никому не известно».

Еще одно письмо, которое пришло на адрес: Магнитогорск, 5-й участок, Азимовой Л. И.

«Жене лейтенанта Талесника Вульфа Яковлевича сообщают, что письмо, написанное вами вашему мужу, пришлось получить мне, старшине той роты, в какой он был командиром взвода... Хочу вам написать, что ваш муж, Талесник Вульф Яковлевич, погиб смертью храбрых за деревню, которую фашисты сильно укрепили, 5 апреля 1942 года. Прошу не расстраиваться, мы за него отомстим».

Старшина БАКУЛИН. 17.04.42 г.»

Такие письма, несмотря на скупость слов, также бережно хранятся в семейных архивах, как и письма сыновей и мужей. Похоронка официальна и скупа на информацию. А здесь — живое слово однополчанина, и оно дорого, хотя любое сообщение о смерти близкого человека рождает только боль

и слезы. Такое письмо получила с фронта и мать Бориса Кузьмина, человека, известного в Магнитогорске своим трудолюбием, энергией, рабочей смекалкой. Борис с 1931 года, в возрасте 15 лет, уже работает на строительной площадке ММК. В 1934 году он — звеньевой монтажа стана «300», «ударник-строитель» и делегат областной конференции ДСО «Строитель Востока»... Газеты пестрят заголовками о его успехах... На фронте, как командир отважного коллектива танкистов, он прославился на всю страну — фотография его экипажа была опубликована в газете «Правда». В 1943 году был отпуск домой, встреча с родными, с молодыми рабочими в редакции газеты «Магнитогорский рабочий», обращение через газету к труженикам Магнитки... И вдруг — письмо с фронта с незнакомым почерком. Лейтенант Н. Г. Просеков пишет:

«Дорогая мамаша! Сегодня, 3 августа 1943 года, в боях за Советскую Родину пал смер-

тью героя Ваш любимый сын, а наш любимый командир и боевой друг старший лейтенант, орденоносец Борис Иванович Кузьмин. Дорогая мамаша! Мы знаем, что тяжела Ваша утрата — гибель Бори. Но мы, танкисты той части, которой командовал Ваш сын, сегодня, прощая в последний путь своего любимого командира, клянемся, что будем еще сильнее громить фашистских людоедов, которые отняли жизнь у нашего друга. Дорогая мамаша! Не плачьте о Боре! Хотя тяжело, но Вы не плачьте, мужайтесь, знайте, что Ваш Борис живет и будет жить в сердце каждого танкиста. Мы все хотим быть такими смелыми, как Ваш сын, и мы — смелы, мы отомстим фашистским варварам за Бориса. Высылаем Вам его фотографии».

Письма на эту тему разные, как и люди, писавшие их. Писали как могли и утешали как могли. Несомненно одно — в основе посланий искренность и сострадание.

«Добрый час, многоуважаемая мамаша Агриппина Илларионовна! Во первых строках своего письма разрешите передать вам свой низкий горячий большой привет и от души — наилучших успехов в вашей жизни. Вторых, разрешите сообщить вам, что ваш сын, Анисимов Иван Тимофеевич, находился в моем подразделении и в жестокой схватке с проклятым врагом был ранен в живот и очень тяжело и 13.07.43 г. ровно в 15 часов дня скончался. Дорогая Агриппина Илларионовна, за смерть лучшего товарища бойцы нашего взвода поклялись отомстить проклятому врагу. В это письмо я кладу его фотокарточку».

Пока до свидания, крепко жму вашу руку. Командир Вячин Н. К.»

И вот еще одно письмо:

«Здравствуйте, уважаемая Вера! Спешу вас уведомить о том, что ваши письма я получил, на которые даю ответ. Вы у меня спрашиваете насчет Хариса. Он был мой командир танка, я был в его экипаже. Он был веселый и всегда хорошо относился к подчиненным. Часто вспоминал про дочь свою. Погиб он во время июльской битвы с врагом под городом Орлом. Смерть его была легкая, погиб сразу, никаких заветных слов не передавал. Погиб в машине так быстро, что даже охнуть не успел. В общем, надеюсь, что вы поняли меня».

Пока до свидания. С приветом к вам — М. Комар. 1 ноября 1943 г.»

Из последнего письма ясно, что на первое сообщение родным о смерти воина часто командиры или боевому товарищу приходят письма от родственников с просьбой подробнее рассказать о последних мгновениях жизни дорогого товарища: как служил, что просил передать перед смертью... И однополчане отвечали по второму разу, если сами еще были живы. Потому что понимали, что каждое такое письмо для родных — своеобразный рекевивем по погибшему ☹

▶ БЫЛОЕ | С техникой Николай Ершов не расставался до последних дней

Механик, творивший историю

АЛЕНА ЮРЬЕВА

1930 год. На Магнитострое появился первый американский автомобиль — кадиллак. Причём на стройку он был передан вместе с водителем — Николаем Ершовым. Кто к кому был прикреплен: кадиллак к Ершову или Ершов к кадиллаку? — сегодня уже не выяснить. Но факт остаётся фактом: Ершов и кадиллак прибыли к Магнитной горе вместе. Этот момент запечатлен на фото и подробно описан Николаем Андреевичем Ершовым, на обратной стороне фотографии — «Снимок сделан 4 мая 1930 года в день передачи Троицким окрисполкомом единственной автомашины начинающемуся Магнитострою и меня с ней, как шофёра. Позднее я стал на Магнитострое завгаром».

Такую кипучую и деятельную натуру, как у Ершова, не могла не захватить стройка у Магнитной горы. «Сумасшедшая, хаотичная, разгоряченная», «Грандиознейшая эпопея, романтика последней степени» — так характеризовали то время первооткрыватели. А поскольку кадиллак предназначался для начальников Магнитостроя, то, скорее всего, Николай был одним из первых водителей сначала Якова Шмидта, а затем и Якова Гугеля. Информация о Ершове давалась буквально по крупицам. Людей, близко знавших его, почти не осталось, так что опираться пришлось на документы и фотографии, сохранившиеся в музее ММК. И оказалось, что официальные справки и грамоты могут рассказать много

интересного. Чего стоит одно только «свидетельство о самозакреплении товарища Ершова на строительстве КХП в должности технического руководителя гаража».

Понятие «добровольное самозакрепление» вошло в обиход в начале 30-х. Это был один из методов борьбы с текучкой кадров, от которой страдали промышленные предприятия и крупные стройки. Самозакреплению подвергались те, кто прибывал «самотеком». Нарушение же договора считалось дезертирством с фронта социалистического строительства и наказывалось соответственно.

Так вот, из документов становится понятно, почему именно Николай Ершов был отправлен на Магнитострой в качестве первого водителя. Ещё во время работы в Троицке он завоевал славу механика от бога, который с техникой «на ты». Во времена гужового транспорта, да ещё в условиях индустриализации, это было серьёзное университетское диплома.

Николай Ершов родился в селе Нижняя Санарка, в семье крестьян-поморов. В Санарке прожил до 15 лет. Первая мировая война застала его в Троицке. В царской армии он и выучился «на шофера». Войска, где служил Николай, перешли на

сторону красных. Так Ершов попал в водоворот гражданской войны. А после демобилизации снова вернулся к любимой технике. Одним из самых первых освоил американские тракторы «Интернационал» и стал обучать этому делу других. Вот выдержка из его автобиографии: «Организовывал первые тракторные курсы в Троицке с товарищем Ануфриевым. Стал одним из первых шоферов в Троицком окрисполкоме в 1928 году».

Именно к этому времени относится и ещё одна любопытная история. Люди, знакомые с ней, убеждены, что если бы это произошло на несколько лет позже, имя Ершова могло бы прогреметь на всю страну. Но, как говорится, если бы да кабы не считалось. Дело в том, что ещё в 1926 году инструктор тракторной бригады Николай Ершов подготовил первую женщину-трактористку — Елену Попову. А буквально через несколько лет история повторится и моментально станет в СССР событием номер один: донецкая девчонка Паша Ангелина, освоившая трактор, стала первой в стране женщиной-трактористом и бригадиром женской тракторной бригады. Накануне войны она кинула клич: «Сто тысяч подруг — на трактор!» С тех пор имя Паши Ангелиной

знал каждый житель нашей страны. А вот инструктор тракторной бригады Ершов всеобщей славы не сыскал, хотя уважение коллег и руководства — заслужил. Поэтому на Магнитострой его отпускали с сожалением.

На новом месте Ершов занялся любимым делом. Организовывал курсы подготовки шоферов и автотракторный кружок. Уже через год он получил грамоту от руководства Магнитостроя «За активность в работе гаража и внимательность к машине». Формулировка в духе того времени. Ведь техника тогда ценилась дороже людей, поскольку оплачивалась золотом и предметами искусства из лучших музеев страны.

Трудовая книжка Николая Ершова изобилует записями. Талантливый механика перебрасывают на самые ответственные участки работ. В 1935 году он становится «автомехаником гаража на строительстве коксохимических цехов». В 1944-м переходит в управление главного механика ММК. В 1946-м — занимает должность механика на калибровочном заводе. За сборку трактора из подручного материала Николая Ершова награждают грамотой, тремя метрами шерстяной ткани и денежной премией. В годы

войны он работал главным механиком в МОСе, затем — на Полях Оршенина. В личном деле Николая Ершова — одни благодарности. За всю свою трудовую биографию он не имел ни одного замечания и ни одного прогула.

Кстати, спиртное употреблял всего три раза в жизни. Один раз — с директором комбината Григорием Носовым. Семейная легенда гласит: посетовал как-то раз директор комбината на то, что во время сильных метелей не может ездить в районы — машины не проходят. Тогда механик Ершов мастерил аэросани. Но все-таки однажды они застряли в поле. Так вот, чтобы не замерзнуть, приняли по сто грамм из директорской фляги. Такая история.

Что же касается личной жизни, то, почти сразу по прибытии в Магнитку, Ершов с семьей поселился в поселке Среднеуральск. К сожалению, жены и детей его уже давно нет в живых. Николай Андреевич после выхода на пенсию вернулся в Троицк, где занимался пчеловодством и общественной деятельностью. А через несколько лет вернулся в Магнитогорск и поселился в доме престарелых.

С техникой Ершов не расставался до последних дней. До 86 лет гонял на стареньком «Харлее Дэвидсоне». Люди, знавшие его лично, вспоминают, что это был высокий, крепкого сложения и богатырского здоровья человек. Человек сложный, незаурядный, человек слова.

Имя его не вошло в учебники истории и краеведения. О его достижениях сегодня помнят лишь работники музеев и немногочисленные родственники. Но вклад его в строительство легендарной Магнитки от этого меньше не стал. Судьба механика-самоучки Ершова — удивительная судьба «маленького» человека, творившего большую историю ☹

▶ Героизм не нуждается в восхвалении. Индийское изречение